
БОРИС АКУНИН

ИСТОРИЯ
РОССИЙСКОГО
ГОСУДАРСТВА

Александр Благословенный
и Николай Незабвенный

ПЕРВАЯ СВЕРХДЕРЖАВА

Издательство АСТ
Москва

УДК 94(47+57)''12/15''
ББК 63.3(2)43
А44

*Любое использование материала данной книги, полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.*

Проект «История Российского государства» издается с 2013 года

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

В.В. Лапин,
профессор факультета истории ЕУСПб, ведущий научный сотрудник
Санкт-Петербургского Института истории РАН

Е.С. Кормчина,
старший научный сотрудник НИУ ВШЭ

Оформление переплета — *А.В. Фerez*
Карты — *М.А. Романова*
Художник — *И.А. Сакуров*

В оформлении использованы иллюстрации, предоставленные агентством
Diomedia и свободными источниками

Акунин, Борис.

А44 Первая сверхдержава. История Российского государства. Александр
Благословенный и Николай Незабвенный / Борис Акунин. — Москва: Из-
дательство АСТ, 2020. — 384 с.: ил. — (История Российского государства).

ISBN 978-5-17-082577-6

Эта книга посвящена событиям первой половины XIX века, эпохе правления сыновей императора Павла — Александра, кумира отечественных либералов, и Николая, кумира отечественных государственников. Два эти политических режима, очень разные по идеологии и стилю, задали России новый ритм дыхания, продолжающийся и поныне. Какие уроки можно извлечь из изучения александровско-николаевской эпохи? «Первая сверхдержава» — седьмой том «Истории Российского государства» — рассказывает читателю, в чем причины стремительного взлета и последующего ослабления Российской империи, какой ценой страна достигла лидирующей мировой позиции и к каким результатам привел опыт «сверхдержавности».

УДК 94(47+57)''12/15''
ББК 63.3(2)43

© В. Akunin, 2020
© eBook Applications LLC, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020

AristoBook открой скрытое

КНИГА, КОТОРУЮ ВЫ ДЕРЖИТЕ В РУКАХ, НЕ СОВСЕМ ОБЫЧНАЯ.

Внутри нее спрятана еще одна книжка, дополнительная. Называется она «аристобук», то есть «улучшенная книга» (от греческого слова «аристос» — «лучшее»).

На некоторых страницах фрагменты текста выделены **жирным и подчеркнуты**. К этим фрагментам, имеются дополнительные материалы. Их можно увидеть с помощью приложения AristoBook.

- Если у вас iOS устройство, скачайте бесплатно приложение «AristoBook» в Apple App Store.
- Если у вас Android устройство, скачайте бесплатно приложение «AristoBook» в Google Play Store.
- Если у вас нет смартфона или планшета, не расстраивайтесь. Весь «аристобучный» контент постепенно будет появляться на сайте www.aristobook.com.

Просто наведите видеоискатель вашего мобильного устройства на текст около выделенного места.

Примерно вот так:

Борис Акунин и eBook Applications LLC

AristoBook для Android

AristoBook для iOS

Предисловие

Этот том посвящен событиям первой половины XIX века, эпохе правления сыновей императора Павла — Александра и Николая. Два эти политических режима, очень разные по идеологии и стилю, задали России новый ритм дыхания, продолжающийся и поныне: за периодом реформ наступает полоса контрреформ, после короткого вдоха либерализации следует длинный выдох консервации, и снова, и снова.

Еще одна важная новация состояла в том, что Россия впервые достигла статуса сверхдержавы и стала претендовать на мировое (тогда это означало всеевропейское) лидерство. Название книги — «Первая сверхдержава» — напоминает читателю о том, что в двадцатом веке, после 1945 года, будет и второй опыт сверхдержавности, с точно таким же результатом. Ценой огромных жертв страна достигнет лидирующей позиции, продержится на ней те же сорок лет, а потом утратит ее.

Для того чтобы лучше понимать причины стремительного взлета и последующего ослабления Российской империи, полезно вкратце вспомнить, через какие этапы развития прошло наше государство.

По мнению автора, к описываемому историческому моменту оно существовало уже в четвертой по счету модификации.

Первой можно очень условно считать домонгольскую Русь. «Очень условно» — потому что раннее объединение русославян прямого отношения к будущей России не имеет. Это пред-Россия, как, впрочем, и пред-Украина, пред-Белоруссия и даже пред-Литва, если иметь в виду последующее Великое княжество Литовское.

Рождение государства, которое сегодня называется Российской Федерацией, относится ко второй половине XV века. Эту «Россию-2» основал замечательно деятельный и дальновидный правитель Иван III (1462–1505), взяв за образец «ордынскую» модель Чингисхана, которая **зиждилась на четырех главных опорах (1)***: тотальная централизация власти; сакральность государственной идеи; вытекающая отсюда сакральность

---

* К фрагментам текста, помеченным подобным образом, имеются дополнительные материалы. Доступ к ним дает приложение AristoBook, которое вы можете бесплатно скачать в Apple App Store или в Google Play Store, либо заглянув на сайт www.aristobook.com.

фигуры государя; ситуативное управление страной (то есть управление не по единым для всех законам, а по воле государя, в зависимости от ситуации). Для своего времени, когда большинство европейских стран были разобщены и раздроблены, это была весьма эффективная конструкция, и Московское государство быстро расширялось. Однако уже в следующем столетии обнаружилось и дефекты подобного устройства, чересчур завязанного на личные качества правителя. Чингисханы и Иваны Третьи среди них попадаются нечасто. При малоспособном государе «вертикаль» работает плохо, а утрата ею сакральности (например, пресечение династии) становится губительным.

В результате Смуты, тотального кризиса русской государственности, возникла модифицированная «Россия-3», в которой новая, еще слабая династия Романовых была вынуждена поделиться властными полномочиями с церковью, боярской аристократией и даже частично «средним» сословием, которое периодически созывалось на Земские соборы. Этот способ государственного существования не обладал прочностью «ордынской» административной пирамиды, но в то же время не использовал и возможностей естественной человеческой предприимчивости, на которую в семнадцатом веке делали ставку раннебуржуазные европейские страны.

В результате вскоре понадобилось новое переформатирование. Его в конце семнадцатого — начале восемнадцатого столетий осуществил феноменально деятельный правитель Петр Первый, создав «Россию-4», военно-бюрократическую империю. Первый российский император, который почему-то имеет репутацию европеизатора, на самом деле сделал нечто совершенно противоположное: вернул страну обратно к классической «ордынской» модели, реставрировав ее и существенно укрепив. Сильные мобилизационные механизмы строго-вертикального управления в сочетании с заимствованными у Запада технологиями дали свой эффект: тратя до трех четвертей бюджета на армию и флот, в XVIII столетии Россия вошла в число великих военных держав.

Но после Петра Великого вновь сказался главный недостаток деспотического принципа управления. Фактически единственным двигателем развития здесь является высшая власть, и если самодержец слаб, развитие замедляется или вовсе останавливается. К тому же в восемнадцатом веке, с усложнением экономической, политической, социальной ситуации все явственней начал сказываться архаизм «ручного управления», гиперцентрализованности. Поэтому следующая великая правительница, Екатерина II, произвела некоторую корректировку системы и достроила евра-

зийскую империю, заложенную Петром, на свой лад. К концу столетия Россия преобразовалась в самодержавно-дворянское государство, где высшее сословие получило ряд неотъемлемых прав, то есть, выражаясь языком современным, из «наемной рабочей силы» превратилось в «акционеров-миноритариев», соучаствующих в управлении «корпорацией». Самодержавие обрело мотивированных сотрудников, работающих не за страх, а за совесть. Только теперь военно-бюрократическую империю можно было считать окончательно сформировавшейся.

На первых порах проявились позитивные последствия этой внутренней реорганизации. В начале девятнадцатого века окрепшая Россия в одиночку выдержит натиск всей Европы и добьется политического первенства на континенте. Мы посмотрим, как евразийская империя достигает пика своего могущества, и увидим, что внешнее величие вовсе не обязательно сопровождается внутренним расцветом. Разберемся мы и в причинах, по которым сверхдержава Романовых не удержала этот свой возвышенный статус.

В новом столетии обнаружатся и опасные последствия екатерининской «перестройки». Во-первых, усиление политической роли дворянства надолго задержит отмену крепостного права — высшая власть будет мечтать об освобождении крестьян, но не решится это сделать из-за страха перед помещиками. Второй «побочный эффект» окажется для самодержавия еще тревожнее. Когда Екатерина II предоставила части подданных «вольность», то есть возможность не служить, да еще даровала этим людям некий набор личных прав, поколебались два коренных принципа «ордынской» системы. Впервые со времен Ивана III в стране возникла численно небольшая, но влиятельная прослойка, которая могла не считать себя слугами государства и к тому же от рождения обладала некими неотъемлемыми правами. Это сулило абсолютизму большие проблемы. Первые раскаты грома прозвучат в момент декабристского заговора, а затем противостояние между престолом и привилегированным классом будет становиться все глубже и шире. В русской политической жизни появляется новый фактор — Общество, и оно будет идеологически враждебно основополагающим принципам «ордынской» государственности.

Начиная с описываемой эпохи, в России формируются два противоборствующих лагеря. Их можно условно назвать «либералами» и «государственниками» — в том смысле, что одни делали ставку на частную инициативу, а другие на сильное государство. В исторической перспективе правы были вторые, лучше понимавшие архитектуру отечественной государственности и предчувствовавшие, что всякое расшатывание несущих

опор может повлечь за собой разрушение всего здания. Но эта система взглядов всё больше устаревала. В условиях промышленной революции, мотором которой являлось свободное предпринимательство, ограничение свобод становилось тормозом для развития. Империя начинает проигрывать в экономической конкуренции другим державам, что в середине столетия приведет и к военному поражению.

Всё время находясь между этими Сциллой и Харибдой, Россия попадает в роковой цикл. Стагнация и экономическое отставание требуют либеральных реформ; реформы расшатывают государство и его «ордынскую» конструкцию; власть восстанавливает стабильность посредством жестких контрреформ; это приводит к коллапсу и осознанию, что «так больше жить нельзя». И все повторяется сызнова.

При этом реформы всегда запаздывают, что делает их поспешными и плохо продуманными, а контрреформы вследствие испуга постоянно имеют несколько истерический вид. Всякий раз, рванувшись, страна словно забегает дальше, чем намеревалась, а потом, запаниковав, пятится обратно. За новацией следует не консервация, а реакция.

Книга поделена на две части не только из-за двух царствований, но еще и потому, что александровское и николаевское время позволяют изучить оба типа управления — либеральное и государственническое.

Здесь интересно, что и у Александра I, кумира отечественных либералов, и у Николая I, кумира отечественных государственников, несколько подмоченная репутация. С точки зрения вольнолюбивых авторов, Александр хорошо начал, но плохо закончил — не довел реформы до конца, упустил исторический шанс сделать Россию «нормальной страной». С точки зрения державников, Николай был всем хорош, но в финале всё испортил, проиграв Крымскую войну. Поэтому заслуги Александра, «взявшего Париж», признаются в том числе и авторами-государственниками; за этим царем традиционно закрепилось официозное прозвание «Благословенный». Николай же для последующих поколений либеральной общественности — фигура одиозная. Все быстро забыли, что он «Незабвенный» (был торжественно наречен так после смерти), и потом гораздо чаще называли его обидным именем «Николай Палкин».

«Тридцать лет это страшилище в огромных ботфортах, с оловянными пулями вместо глаз, безумствовало на троне, сдерживая рвущуюся из-под кандалов жизнь, тормозя всякое движение, безжалостно расправляясь с любым проблеском свободной жизни, подавляя инициативу, срубая каждую голову, осмеливающуюся подняться выше уровня, начертанного ру-

кой венценосного деспота», — напишет после похорон царя политэмигрант Иван Савицкий, и эта цитата со временем станет хрестоматийной.

Однако мы увидим, что Николай вовсе не «безумствовал», а искренне хотел «как лучше». Следует сказать, что вообще все российские самодержцы девятнадцатого века были усердными тружениками. Никто из них не сибаритствовал, не предавался роскошествам; никто не был жесток; все мечтали о справедливости и жаждали облагодетельствовать народ. Нет, Романовых никак нельзя назвать скверными царями. Они, что называется, очень старались. Но никто из них не мог выбраться за пределы роковой антиномии между необходимостью модернизации и сохранением стабильности. Все они, будто мотыльки, бьющиеся о стекло, пытались вырваться из этой системы координат, но «ордынская» структура государства подобного не допускала.

Александровско-николаевская эпоха заслуживает вдумчивого изучения еще и потому, что уроки из нее не извлечены. Неизбывная российская «манипуляция с гайками», которые то закручиваются, то откручиваются, все длится и длится. За оттепелью следуют заморозки, за пряником — кнут, милостивая власть сменяется «твердой рукой» — и оба способа управления работают неважно.

Поэтому у двух частей тома печальные названия: «Разбитые мечты» и «Утраченное величие». Но потомкам есть чем утешиться. По крайней мере, было что разбивать и было что утрачивать.

Часть первая

**АЛЕКСАНДР
БЛАГОСЛОВЕННЫЙ:
РАЗБИТЫЕ МЕЧТЫ**

Александр Павлович Романов в жизни

Этот монарх казался современникам загадкой. Отношение к нему, в особенности на родине, несколько раз резко менялось. Обожание превращалось в пренебрежение, восхищение — в презрение и даже ненависть, а в последующие времена те же самые люди вспоминали Александра с ностальгией по утраченному «золотому веку». Человеку моего поколения это напоминает метаморфозы в восприятии российской интеллигенцией Михаила Горбачева: от аплодисментов периода Перестройки к разочарованию начала девяностых и умилению двухтысячных.

У Александра Павловича много эффектных прозвищ. В Европе его называли Северным Сфинксом. Наполеон жаловался, что это Северный Тальма (то есть лицедей). Самому императору нравилось, когда его именовали Блестящим Метеором Севера, — но не Коронованным Гамлетом, поскольку здесь содержался неприятный намек на насильственную смерть отца. В домашнем, ближнем кругу говорили «наш Ангел».

Очень по-разному оценивают эту личность и историки. По их сочинениям составить о ней определенное представление довольно трудно. Александр получается то ли прекраснородушным — то ли двоедушным, то ли милостивым — то ли мстительным, то ли наивным — то ли коварным, то ли циником — то ли мистиком, то ли героем — то ли гаером.

Но все согласны в одном: личные особенности императора колоссально повлияли на историю России и существенно сказались на истории Европы. Поэтому имеет смысл подробно разобраться в характере, взглядах и эволюции этого человека.

Ранние годы

Первенец цесаревича Павла родился 12 декабря 1777 г. от второго брака великого князя Павла — с вюртембергской принцессой Марией Федоровной. Имя мальчику выбрали не родители, а бабушка-императрица, и оно для русской монархической традиции было необычным. Говорилось, что ребенок наречен в честь святого Александра Невского, но не скрывалось, что в виду имеется и другой Александр — Македонский, великий покоритель Азии. У Екатерины Великой после **второй турецкой войны и Ясского договора (2)** возникли грандиозные планы. Следующему внуку она даст имя Константин — в предвкушении того, что это будущий властитель Константинополя. «Он через тридцать лет из Севастополя поедет в Царьград», — писала царица про второго внука. Но первому, конечно, уготовлялась судьба еще более блистательная.

Питомица Века Просвещения, Екатерина справедливо считала главной наукой педагогику и лично контролировала воспитание будущего самодержца.

В. Ключевский пишет: «Я не разделяю довольно распространенного мнения, будто Александр благодаря хлопотам бабушки получил хорошее воспитание, он был воспитан хлопотливо, но не хорошо, и не хорошо именно потому, что слишком хлопотливо». Однако великий историк несправедлив. Ребенка, росшего в столь аномальном положении, когда он с ранних лет находился в центре всеобщего внимания, трудно было бы воспитать более осмысленным образом.

Часто пишут, что на Александре плохо сказалось то, что он с младенчества был оторван от отца и матери — Екатерина не доверила им попечительство над сыном. Однако не стоит забывать, что Павел Петрович был человеком мягко говоря странным, его неумная супруга тоже славилась вздорностью, а при маленьком дворе великокняжеской четы царил нездоровая атмосфера мелочности, подозрительности и солдатчины. Бабушкино воспитание было явно предпочтительней.

О том, как оно выглядело, мы знаем в точности благодаря подробнейшей инструкции, лично составленной Екатериной для нянек малютки Александра и озаглавленной «Бабушкина азбука великому князю Александру Павловичу». Большинство этих рекомендаций выглядят вполне здраво и сегодня, а в России конца восемнадцатого века они казались про-

---

РАЗБИТЫЕ МЕЧТЫ

сто откровением. Будучи издана в виде книги, «Азбука» продавалась огромными тиражами и произвела своего рода революцию в воспитании дворянских детей.

► Стиль наставлений был таков:

«Об одежде»

Да будет одежда их высочеств летом и зимою не слишком теплая, не тяжелая, не перевязанная, не гнетущая наипаче грудь. Чтобы платье их было как возможно проще и легче.

О пище

...Пища и питье да будут простые, и просто заготовленные, без пряных зелий, или таких корений кои кровь горячат, и без многой соли... Чтобы не кушали, когда сыты, и не пили, не имея жажды; и чтоб когда сыты, их не потчивали пищею или питием; чтоб не пили холодного, вспотевши, или когда разгорячены, и вспотевши не пили инако, как скушав наперед кусок хлеба.

О воздухе

Чтоб в покоях их высочеств зимою по крайней мере дважды в день переменен был воздух открытием окон воздушных. Чтоб как возможно их высочества летом и зимою чаще были на вольном воздухе, когда сие не может вредить их здоровью... Чтоб летом играли на свежем воздухе, на солнце, на ветру. На огар [загар] лица и рук от солнца не смотреть.

О постеле и сне

Чтоб их высочества спали... отнюдь не на перинах, и чтоб одеяла их были легкие, летом простые ситцевые, подшитые простынею, зимою стеганные. Спать им, чтоб ночью голова не была покрыта или закутана, колико хотя: понеже сон детям здоров, но как вставать рано здорово же, и для того поваживать их высочеств ложиться рано.

О детских забавах и веселости нрава

Веселость нрава их высочеств ни унимать, ни уменьшать не должно; напротив того поощрять их нужно ко всякому движению и игре, летам и полу их сходственным; ибо движение дает телу и уму силы и здоровье. Не оставлять их высочеств никогда в праздности. Бude не играют и не учатся, тогда начать с ними какой ни есть разговор, сходственный их летам и понятию, чрез который получили бы умножение знания.

Что запрещать и до чего не допускать

Запрещать и не допускать до того, чтоб их высочества учинили вред себе или жизнь имеющему, следовательно бить или бранить при них не надлежит и их не допускать, чтоб били, щипали и бранили человека, или тварь, или какой вред, или боль причиняли.

ПЕРВАЯ СВЕРХДЕРЖАВА

В чем главные достоинства наставления состоят

Главное достоинство наставления детей состоять должно в любви к ближнему (не делай другому чего не хочешь, чтоб тебе сделано было), в общем благоволении к роду человеческому, в доброжелательстве ко всем людям. Чтoб ни в каком случае питомцы с умыслу не обижали никого, не показывали никому презрения и неучтивости; чтoб искали приобретать благоволение людей к себе ласковым и ловким обхождением».

Главный принцип обучения в точности совпадал с предписаниями современной педагогики: «Не столько учить детей, колико им нужно дать охоту, желание и любовь к знанию, дабы сами искали умножить свое знание».

Одним словом, бабушка Екатерина плохому не учила.

На седьмом году Александра передали в ведение мужчин. Императрица составила целый штат воспитателей и учителей, проявив недюжинное знание психологии. Возглавил коллектив генерал-аншеф **Николай Салтыков (3)**, большой вельможа, главным достоинством которого, кажется, являлась ловкость. Он добился невозможного — сумел понравиться обоим враждующим дворам, государыни и наследника. Екатерина оценила такое дарование, совершенно необходимое монарху. У Салтыкова подросток, видимо, и научился психологическим приемам, которые в будущем созда-

Екатерина воспитывает внуков. Ф.-Ж. Сидо

РАЗБИТЫЕ МЕЧТЫ

дут ему репутацию искусного притворщика. В юности же умение приспосабливаться позволяло великому князю лавировать между бабкой и отцом.

Помощником при главном воспитателе состоял генерал Протасов, человек совсем иного склада — добрый, сентиментальный и простодушный до такой степени, что Адам Чарторыйский (разговор о котором впереди) даже называет его «полнейшим тупицей». Задачей Протасова, очевидно, было пробуждать в Александре и Константине «сердце», то есть чувствительность.

«Предметники», развивавшие ум мальчика, все были превосходны. Географию и природоведение преподавал знаменитый путешественник и естествоиспытатель академик Паллас, физику — академик Крафт, математику — француз Массон, в последующем автор **«Секретных записок о России» (4)**. Единственный русский, Михаил Муравьев, отец знаменитых декабристов, а в ту пору молодой еще человек, вел отечественную историю и словесность. Прекрасно образованный и литературно одаренный, он научил своего воспитанника хорошо изъясняться и писать на родном языке, что в те галломанские времена для высшего общества было скорее исключением.

Но самое большое влияние на юного Александра имел молодой швейцарец **Фредерик-Сезар Лагарп (5)**, порекомендованный царице ее знаменитым корреспондентом бароном Гриммом. Сначала Лагарп учил ребенка только французскому, но в 1784 году подал государыне записку о том, как следует возвращать монарха соответственно высоким идеалам Просвещения. Этот меморандум так понравился Екатерине, что она сделала швейцарца кем-то вроде «преподавателя обществоведения». Он состоял при мальчишке, подростке, юноше целых одиннадцать лет и сформировал всё его мировоззрение. Поскольку Лагарп был не только убежденным сторонником Просвещения, но и пылким республиканцем, проникся этими экзотическими для будущего самодержца идеями и Александр. Его ментор, кажется, не отличался глубоким умом (впоследствии молодой царь в этом убедится). Ключевский называет Лагарпа «ходячей и очень говорливой либеральной книжкой», но на подростков такие учителя — увлеченные, эмоциональные, яркие — больше всего обычно и воздействуют. Потом Александр будет говорить, что всем хорошим в себе обязан Лагарпу. Столь же многим обязана прекраснородушному швейцарцу и Россия: все светлые начинания александровского царствования, изменившие облик страны, были следствием лагарповского воспитания.

Из подробных письменных отчетов учителя мы знаем, что мальчиком Александр был любознателен, но неусидчив — не мог сосредоточить вни-